
Винкельман А. М. Мир должен быть романтизирован : монографии о немецком романтизме (М. Франк, Ф. Байзер, Д. Нассар) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2018. — Т. II, № 4. — С. 233–243.

АННА ВИНКЕЛЬМАН*

МИР ДОЛЖЕН БЫТЬ РОМАНТИЗИРОВАН**

МОНОГРАФИИ О НЕМЕЦКОМ РОМАНТИЗМЕ

(М. ФРАНК, Ф. БАЙЗЕР, Д. НАССАР)

FRANK M. EINFÜHRUNG IN DIE FRÜHROMANTISCHE ÄSTHETIK : VORLESUNGEN. —
FRANKFURT AM MAIN : SUHRKAMP, 1989.

BEISER F. C. THE ROMANTIC IMPERATIVE. — CAMBRIDGE (MASS.), LONDON : HARVARD
UNIVERSITY PRESS, 2003.

NASSAR D. THE ROMANTIC ABSOLUTE : BEING AND KNOWING IN EARLY GERMAN
ROMANTIC PHILOSOPHY, 1795–1804. — CHICAGO : UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS, 2014.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-233-243.

Немецкий романтизм — плодотворное поле для исследования в России. Во-первых, потому что романтизм актуален как никогда за последние сто лет. Стремление к поиску *Абсолюта*, которое является определяющим для романтической философии и литературы, — это сегодняшнее «лекарство от постмодерна», породившего деструктуризацию, релятивизм, размывание всех возможных границ и общую тревожность. Во-вторых, потому что по-русски про немецкий романтизм написано мало: есть монография М. Жирмунского и Н. Берковского да несколько статей, вышедших за последние годы (Н. Садунова, Н. Кириенко, П. Резвых). Есть, наконец, советский сборник «Эстетика немецких романтиков», с помощью которого можно познакомиться с первоисточниками, правда, в весьма сжатом формате.

За рубежом же эта тема переживает свой ренессанс. Монографий выходит много, статей еще больше. Я расскажу о трех — на мой взгляд — ключевых текстах. Это уже ставшее каноническим «Введение в эстетику раннего романтизма» (*Einführung in die frühromantische Ästhetik*, 1989) Манфреда Франка (Frank, 1989), «Романтический императив» (*The Romantic Imperative*, 2003) Фредерика Байзера (Beiser, 2003), а также

*Винкельман Анна Михайловна, студентка магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); студентка магистратуры, Университет в Кёльне, winkelmanhanna@gmail.com.

**© Винкельман, А. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

«Романтический Абсолют: бытие и знание в ранней философии немецкого романтизма, 1795–1804» (The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804, 2014) Далии Нассар (Nassar, 2014). Все три текста, как видно из названий, посвящены не какой-то узкоспециальной проблеме, а, скорее, введению в тематику. Учитывая общую «разрозненность» немецкого романтизма и трудноунифицируемый стиль самой традиции, многочисленные введения и их популярность вполне объяснима.

Структура текста и подача материала у трех текстов совершенно разная: М. Франк — это объемный курс лекций, Ф. Байзер — сборник эссе, Д. Нассар — монография из трех частей, посвященных, соответственно, трем авторам романтической традиции. Идеино все они сосредоточены главным образом на «раннем» романтизме. Все три книги предполагают весьма поверхностное знакомство читателя с темой и уделяют много внимания пересказу эстетики Канта (больше всего это свойственно Франку). Самый доступный для чтения текст — это, вне сомнений, Байзер. Он же и самый несодержательный. Самый сложный, если не сказать «мудреный» из них — Франк. Возможно, дело в том, что это все же курс лекций; немецкий Франка витиеват и едва ли окажется по зубам начинающему читателю. Лучший из них, далее я постараюсь показать почему, — работа Д. Нассар, уже зарекомендовавшей себя исследовательницы романтизма. Я прокомментирую каждый текст отдельно, хотя между ними видна почти родственная связь. Франк — это отец-основатель, Байзер учился у него, а самая молодая, устранившая недостатки и взявшая все лучшее от обоих — Нассар.

В России М. Франк известен в основном тем, кто занимается немецкой классической философией, главным образом — шеллинговедам. Это, как я уже сказала, непростой автор для начинающих, хотя его карьера сложилась во многом благодаря «введениям». Книга «Введение в эстетику раннего романтизма» объемная, четыре сотни страниц. Состоит она из 22-х лекций, последовательно подводящих к кульминационной идее — важности иронии и ее, если угодно, «музыкальности» (в 22-ой лекции читатель найдет даже ноты Брамса). Франк идет «классическим путем» и начинает с кантовского вопроса о взаимном отношении *красоты* и *истины* (Frank, 1989: 7). О том, какое отношение было между этими понятиями со времен Платона и Аристотеля и какую рецепцию оно пережило от немецкого романтизма до Хайдеггера, Франк рассказывает с первой по третью лекции. Четвертая и пятая представляют собой подробное введение в «Критику способности суждения» Канта.

Франк поясняет, что такое «суждение вкуса» (Frank, 1989: 56), почему оно «свободно от интереса» и что такое «незаинтересованный интерес» (ibid.: 62). Иными словами, с помощью этих глав можно составить себе вполне ясное представление о третьей критике Канта, даже если читатель впервые работает с философским материалом. Шестая глава посвящена уже специальной проблеме — категории модальности в «Аналитике прекрасного», так что, если к тому нет специального интереса, то можно перескочить к седьмой:

В ходе прошлой лекции мы неоднократно встречали его [теоретическое напряжение. — А. В.] и можем сейчас суммировать это следующим образом: как единство разума может быть дедуцировано из основоположения, которое не препятствует дифференциации его [единства. — А. В.] функций как способности категорий, с одной стороны и [способности] идей, с другой, а делает эту дифференциацию понятной? Принципы разума, чистое *cogito* и его спонтанность не являются одновременно принципами практики; и все же это было бы невыносимо для систематического схватывания философии — быть вынужденной оставить «пропасть» между описанием и предписанием, теорией и практикой, природой и свободой (или как всегда хотят их артикулировать) (ibid.: 104).

В той же лекции он указывает на отличительную черту способности суждения как главной эстетической способности «нормировать саму себя» (ibid.: 105). Вернется он к этой захватывающей теме только в двадцатой лекции, совершенно неожиданно, но очень точно сравнивая эстетику Канта с философией языка раннего Витгенштейна (1921 г. — «Логико-философский трактат», где язык «заботится о себе сам» (ibid.: 359) и очерчивая сферу эстетического¹. Начиная с девятой главы, Франк много и подробно говорит о Шеллинге. Особенно интересны десятая и тринадцатая главы: в них речь о том, как Шеллинг снимает кантовский дуализм и перерабатывает проблему безусловного, а также о том, как он строит свою философию искусства (заметим, речь уже не просто об эстетике, а о целой философии искусства в рамках романтической эстетики).

¹Подобная связь, казалось бы, совсем неочевидна. Но если мы немного забежим вперед и откроем «Философию искусства» Шеллинга, то увидим там в параграфе 73, называемом «Идеальное единство как разрешение особенного в общем, конкретного в понятии объективируется в речи или языке», следующее: «речь — выражение идеального в реальном», «она есть произведение искусства». Подробнее см.: (Шеллинг, Попова, 1966: 184–189).

В целом дух кантовской философии пронизывает каждую страницу текста. Второе место, кажется, тут можно отдать Шеллингу. Было бы преувеличением при этом сказать, что Франк не соответствует заявленному курсу и совсем упустил из виду Новалиса, Шлегеля и других романтиков, нет. Примерно с пятнадцатой главы он пытается показать, как они работали с понятием рефлексии, размышляли над проблемой единства и множества и приходили к выводу, что ирония — ключ к решению этой трудности. См. например, лекцию 22:

Речь [когда мы говорим об иронии. — *A. B.*] о переносе изначально теоретико-познавательной проблемы, а именно о переносе противоречивой структуры «Я» на структуру искусственного представления (*Darstellung*). Конечный человеческий дух колеблется между движением самоограничения и самоуничтожения. [...] Искома же не идентичность как коррелят противоположностей, а такая идентичность, в которой это отношение было бы полностью снято (*Frank, 1989: 380*).

Это и есть ирония.

Заканчивается курс действительно яркой лекцией, в которой Франк не без опоры на шеллингианскую философию искусства (см. *ibid.*: 208–230) разбирает партитуры Брамса и Вагнера, а также лирику Тика.

В целом я не могу не согласиться с уже довольно старой рецензией Гётшеля, отметившего, что работа Франка — это отличное введение, которое ясно показывает, что романтизм был чем-то большим, чем просто литература, и имел внушительные философские основания (*Goetschel, 1991: 388*). Тем не менее, я хочу указать на два, как мне кажется, недостатка этого текста, кроме, о чем уже сказано выше, не самого простого языка изложения. Во-первых, Франк почти полностью игнорирует такие мотивы, как «бессознательное», «мистическое», «безумие», хотя они играли в романтизме колоссальную роль. Во-вторых, Франк мало цитирует кого-либо, кроме Канта и Шеллинга. Справедливости ради стоит сказать, что глава про Новалиса заканчивается тематической (и обширной) подборкой его афоризмов. Но такая подборка сделана только для Новалиса. Поэтому я думаю, что эти лекции не подойдут в качестве введения для человека, который совсем не знаком с Кантом и романтизмом. Они скорее помогут систематизировать знания и обратить внимание на некоторые интересные детали. Этот текст — для людей, которые готовы, как «классический немецкий профессор», порядочное время посидеть за рабочим столом с карандашом.

Совсем иное впечатление от прочтения оставит введение Ф. Байзера. Текст задумывался как сборник эссе, призванных осветить разные аспекты романтизма; однако все эссе — жанр, от которого мы обычно ожидаем детального исследования проблемы — носят вводный характер. Я сразу скажу, что книга вряд ли вызовет эстетический или интеллектуальный восторг. Это простой и, в целом, качественный текст, но это не та работа, чтение которой сформирует или изменит представление о романтизме. Тем не менее, сборник Байзера хорош для ознакомления с интерпретациями романтизма, и ознакомиться с ним стоит.

Десять эссе касаются самых разных тем: есть самые общие рассуждения, но есть и «специальные», например, в шестом эссе речь идет про понятие *Bildung* в немецком романтизме. Это слово можно перевести на русский как (1) формирование [в смысле конструирования. — *A. B.*] и как (2) образование. Оба значения в рамках немецкого романтизма отсылают друг к другу. Образование — первый шаг на пути к идеальному обществу и государству (важный концепт для романтизма, как показывает Байзер) — возвращает нас сначала к «Письмам» Шиллера, а потом и к «способности воображения» у Канта. Чаще всего Байзер понимает под *Bildung* именно образование.

Главный полемический посыл книги — требование пересмотреть постмодернистскую интерпретацию, к одному из главных представителей которой автор относит уже известного нам М. Франка. Кроме того, в каждом эссе Байзер настаивает: романтизм не был просто реакцией на Просвещение, и уж тем более *литературной* реакцией. В романтизме есть свои сильные метафизические основания (что, кстати говоря, так или иначе подтверждается и в лекциях Франка). Свой метод он определяет как «герменевтический и исторический. [...] Это значит, что я попробую интерпретировать романтизм, оставаясь в его же собственных границах, сообразно его собственным целям и историческому контексту» (Weiser, 2003: XI).

Надо признать, что Байзер очень трепетно относится к систематизации. Главных тезисов немного, интересных — тоже, зато все, что разложено, разложено по полочкам. Романтизм, пишет, он, сейчас очень популярен. На то есть четыре причины: политическая, академическая, философская и научная (*ibid.*: 1). Научная — самая убедительная. Большое количество манускриптов было опубликовано только после Второй мировой войны. Для науки это сравнительно недавно.

Если уж говорить о философском содержании работы, то, хоть она и претендует на «большую» философичность, чем у Франка, и на отличное от него прочтение (например, Байзер считает, что романтизм находится с Кантом и Фихте не в отношении преемственности, а в конфликте), в самом тексте этого не видно. Байзер просто настойчиво повторяет свои тезисы в разных контекстах и формулировках, не особенно подкрепляя их разбором конкретных фрагментов из сочинений немецких романтиков.

Согласно этой концепции [Байзер критикует «классическую интерпретацию романтизма». — А. В.], ранний романтизм был главным образом литературным и критическим движением, главная цель которого состояла в том, чтобы развить новую форму литературы и критицизма. [...] Я думаю, что классическая интерпретация — это катастрофа (Beiser, 2003: 8).

Все первое эссе посвящено этой теме. На самом деле, я бы рекомендовала к прочтению именно его, поскольку непосредственно «классическая интерпретация» пересказана неплохо. Интересно, что Байзер указывает (в этом и втором эссе (*ibid.*: 30)) на то, чего не оказалось у Франка: мистические мотивы и представление о *любви* играли важную роль в романтической философии и культуре.

Кроме того, Байзер хорошо показывает, в каком отношении ранний немецкий романтизм находился к Просвещению (*ibid.*: 43–45). «Более чем целый век общим местом [для исследователей] было представление о том, что рождение немецкого романтизма в конце девятнадцатого века совпало со смертью Просвещения» (*ibid.*: 43). Это лишь отчасти так. Немецкие романтики действительно были в некотором роде *реакцией* на Просвещение, но все же не в меньшей степени они его дети и преемники.

Конкретным авторам Байзер уделяет мало внимания. Седьмое эссе, например, про Шлегеля, девятое — про Канта и натурфилософов (*ibid.*: 153–170). В обеих главах Байзер — скорее интерпретатор и систематизатор, чем комментатор. Так, в одной из рецензий из-за недостатка примеров и непроработанности Байзера упрекают в «неясных импликациях» (Rush, 2005: 711). Недостаточно убедительной кажется и его критика Франка, опять — в силу слишком общих слов (Holland, 2005: 109).

Впрочем, отдельные главы (первая и третья) могут помочь начинающему читателю составить общее, но ясное представление о романтизме. Байзер пишет просто и понятно, а также часто повторяется, что в глазах начинающего читателя будет только достоинством.

Наконец, речь пойдет о самой недавней из трех, но самой, на мой взгляд, блестящей книге по немецкому романтизму. Д. Нассар — молодая исследовательница немецкого идеализма и романтизма из Сиднея. Книга «Романтический Абсолют» вышла в 2014 г. и состоит из трех частей, каждая из которых подробно и комментировано разбирает одного из трех основных, как считает Нассар, представителей немецкого романтизма: Новалиса, Фридриха Шлегеля и Шеллинга. Кроме того, пятнадцать страниц введения дают читателю общее представление о немецком романтизме и краткий, но исчерпывающий обзор ключевых интерпретаций (включая работы Франка и Байзера).

Проблему поиска Абсолюта и его интерпретации Нассар обозначает как главную проблему романтизма.

Один из центральных вопросов, вдохновивший философский романтизм и мотивировавший его развитие — вопрос, касающийся природы Абсолюта. Хотя после Гегеля он более не был главной темой философских дебатов, для самих романтиков понимание Абсолюта — наиболее актуальная и значительная проблема. Актуальной она была в свете широкого вопроса, доминирующего в философских дебатах того времени: вопрос касался возможности философского знания и морального поступка. Романтизм пробудили кантовская философия и проблемы, возникшие из кантовской системы. По-ньютонovski механистическая картина мира Канта требовала от романтизма объяснять свободу человека как, в некотором смысле, превосходящую эмпирическую реальность. Его концепция двух миров повлекла за собой трудность — частично по отношению к возможности реализации моральных поступков — которую он признает во введении к третьей «Критике». [...] В итоге Кант не предлагает решения проблемы дуализма, терзающей его систему, и поэтому же не может объяснить возможность морального поступка для человека в рамках природы. Хотя романтический Абсолют не тождествен кантовскому Идеалу², он предлагает решение кантовской проблемы. Как я постаралась показать, романтизм не может быть сведен ни к бытию, ни к знанию, т. е. как Абсолют он должен лежать в основании и того и другого. [...] Такая связь понятия Абсолюта — Абсолюта как созерцания (*meditation*) бытия и знания или как реализации бесконечного в конечном — один из сложнейших и инновационных аспектов ранней романтической философии. Хотя в некоторых

²В данном случае Нассар отсылает к тому, что кантовский Идеал представляет собой пассивную субстанцию как совокупность всех возможных предикатов. Главная трудность в дискуссиях об Идеале состояла в том, что было непонятно, как из статичной совокупности всего-всего может быть выведено что-то единичное, так как Абсолют не содержит в себе *отрицания* как главной возможности для появления единичного (*particular*).

случаях понятие об отношении Абсолюта может показаться парадоксальным, его основной тезис является состоятельным: природа и дух (*mind*) или бытие и знание, во-первых, не полностью отделены друг от друга, во-вторых, не могут быть сведены друг к другу. Целью романтиков было сформулировать такое понятие Абсолюта, которое преодолело бы радикальное различие природы и духа, не приводя при этом к упрощенному изложению, которое не было бы применимо в опыте или не могло бы объяснить интенциональность и творческие способности человека (*human creativity*) (Nassar, 2014: 259–260).

Нассар формулирует три главных вопроса романтизма: каково отношение между духом (*mind*) и природой? Каково отношение между единством и множественностью? Каково отношение между конечным и бесконечным? (*ibid.*: 2). Полагаю, термин *mind* для обозначения «духа» выбран не случайно; обычно *mind* переводят как «сознание». В немецком романтизме же речь идет об отношении между природой и духом (*Geist*). Немецкое *Geist* очень сложно перевести на русский язык. «Дух» предполагает религиозные коннотации, для слова же *душа* в немецком языке есть слово *Seele*. Самым точным английским аналогом будет именно *mind*. Русским — дух (и «сознание», если речь не о немецкой классической философии, но не в смысле *consciousness*); речь о метафизической структуре, обладающей особыми, одинаковыми для всех людей принципами устройства.

Как и ее предшественники, Нассар подчеркивает: романтизм — это не только литературное, но и философское движение. От разрешения вопросов эпистемологии и метафизики зависит успех романтического предприятия в целом. Так, например, доставшийся романтикам в наследство от Канта вопрос о том, является ли Абсолют пассивной субстанцией (совокупностью всех возможностей) или же *динамической реальностью* (*ibid.*: 5), по-разному решался у Новалиса, Шлегеля и Шеллинга; понимание этого, на самом деле, первого шага движения философской мысли, как показывает Нассар, имеет колоссальное значение.

Методологию Нассар можно понять уже из первых нескольких страниц первой главы о Новалисе. Автор этот, как говорит Нассар, известен нам как «неизвестный Новалис» (*ibid.*: 15). Частично это так из-за афористичности и отсутствия системы, частично — потому что часть его работ увидела свет только в 1960–1975 гг. Прежде всего Нассар кратко формулирует основные интерпретации. В случае Новалиса вопрос стоит так: является ли он идеалистом в смысле Фихте или же ему ближе антифихтевский, точнее, кантианский скептицизм? (*ibid.*). Далее следует краткое введение в проблему: как понимается в философии отношение

между бытием и «Я». Потом Нассар цитирует фрагмент из *Fichte-Studien* и строчка за строчкой разбирает его. При этом никак нельзя сказать, что это излишне подробный анализ. Нассар удается совместить ювелирную точность анализа с тем, чтобы всегда держать у читателя перед глазами главную проблему. «Новалис, ни больше ни меньше, задается вопросом о том, возможна ли философия» (Nassar, 2014: 25).

Было бы неправильно думать, что книга представляет собой голый комментарий. Это только первая часть работы с каждым из философов. В подглавах Нассар детально разбирает исторический контекст, работает с разными аспектами философии Новалиса (Шлегеля и Шеллинга соответственно) — моральными и эстетическими, — отслеживает взаимные влияния. В конце каждой части есть короткое обобщение. О каждом из романтических авторов можно прочесть отдельно, но стиль и ясность изложения находятся на таком высоком уровне, что читателю вряд ли удастся отложить книгу, пока он не прочтет ее до конца. Ни одной отрицательной рецензии на монографию Нассар я не видела. Критики пишут, что книга Нассар «восхитительна» (Winegar, 2018: 382), что «„Романтический Абсолют“ Далии Нассар представляет собой огромный сдвиг в нашем представлении о том, что такое ранний немецкий романтизм» (Weatherby, 2016: 316). Или: «прекрасное и новаторское исследование, которое следует считать одним из самых значительных современных вкладов в изучение раннего немецкого романтизма» (Thor, 2015: 313).

Читать ли для знакомства с романтизмом все три текста? Один из них? Не читать никакой и обратиться к первоисточникам? Это зависит от исследовательских задач. Чтобы окунуться с головой в весь немецкий стиль и почувствовать эпоху, стоит прочесть Франка. В случае всех трех текстов, кстати, главы можно читать выборочно. Найти конкретную интересующую тему можно по содержанию; у Франка же в конце книги есть небольшие, в три-пять строк, описания каждой лекции. Если нужен беглый обзор или систематизация и есть настроение заразиться критическим пылом — читать следует Байзера. Самая, однако, качественная и современная книга — это Нассар. Среди ее недостатков можно назвать разве то, что она охватывает не всех романтических авторов, — и то, что она все же заканчивается. Это, думаю, является бесспорным критерием хорошего текста, особенно учитывая, что это не художественная литература, а научная монография.

ЛИТЕРАТУРА

- Шеллинг Ф. Й. В.* Философия искусства / под ред. М. Ф. Овсянникова ; пер. с нем. П. С. Попова. — М. : Мысль, 1966.
- Beiser F. C.* The Romantic Imperative. — Cambridge (Mass.), London : Harvard University Press, 2003.
- Frank M.* Einführung in die frühromantische Ästhetik : Vorlesungen. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989.
- Goetschel W.* Einführung in die frühromantische Ästhetik : Vorlesungen by Manfred Frank // The German Quarterly. — 1991. — Jg. 64, Nr. 3. — S. 387–388.
- Holland J.* Eighteenth Century Literature and Culture // The German Quarterly. — 2005. — Jg. 78, Nr. 1. — S. 108–109.
- Nassar D.* The Romantic Absolute : Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804. — Chicago : University of Chicago Press, 2014.
- Rush F.* The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism by Frederick C. Beiser // Mind. New Series. — 2005. — Vol. 114, no. 455. — P. 709–713.
- Trop G.* The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804 by Dalia Nassar // Goethe Yearbook. — 2015. — Vol. 22, no. 1. — P. 313–315.
- Weatherby L.* The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804 by Dalia Nassar // Eighteenth-Century Studies. — 2016. — Vol. 49, no. 2. — P. 316–318.
- Winegar R.* Dalia Nassar. The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804. Chicago: University of Chicago Press // Hegel Bulletin. — 2018. — Vol. 39, no. 2. — P. 382–386.

Vinkel'man, A. M. [Winkelman, A. M]. 2018. "Mir dolzhen byt' romantizirovan [The World Should Be Romanticised]: monografi o nemetskom romantizme (M. Frank, F. Bayzer, D. Nassar) [Monographs on German Romanticism; Manfred Frank, Frederick Beiser, Dalia Nassar]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (4), 233–243.

ANNA WINKELMAN

MA STUDENT, LECTURER AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW; MA STUDENT AT THE COLOGNE UNIVERSITY

THE WORLD SHOULD BE ROMANTICISED

MONOGRAPHS ON GERMAN ROMANTICISM;
MANFRED FRANK, FREDERICK BEISER, DALIA NASSAR

FRANK, M. 1989. *EINFÜHRUNG IN DIE FRÜHROMANTISCHE ÄSTHETIK: VORLESUNGEN* [IN GERMAN]. FRANKFURT AM MAIN: SUHRKAMP

BEISER, F. C. 2003. *THE ROMANTIC IMPERATIVE*. CAMBRIDGE (MASS.) AND LONDON: HARVARD UNIVERSITY PRESS

NASSAR, D. 2014. *THE ROMANTIC ABSOLUTE: BEING AND KNOWING IN EARLY GERMAN ROMANTIC PHILOSOPHY, 1795–1804*. CHICAGO: UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-233-243.

REFERENCES

- Beiser, F. C. 2003. *The Romantic Imperative*. Cambridge (Mass.) and London: Harvard University Press.
- Frank, M. 1989. *Einführung in die frühromantische Ästhetik: Vorlesungen* [in German]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Goetschel, W. 1991. "Einführung in die frühromantische Ästhetik: Vorlesungen by Manfred Frank" [in German]. *The German Quarterly* 64 (3): 387–388.
- Holland, J. 2005. "Eighteenth Century Literature and Culture" [in German]. *The German Quarterly* 78 (1): 108–109.
- Nassar, D. 2014. *The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rush, F. 2005. "The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism by Frederick C. Beiser." *Mind. New Series* 114 (455): 709–713.
- Shelling, F. Y. V. [Schelling, F. W. J.] 1966. *Filosofiya iskusstva [Philosophie der Kunst]* [in Russian]. Ed. by M. F. Ovsyannikov. Trans. from the German by P. S. Popov. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Trop, G. 2015. "The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804 by Dalia Nassar." *Goethe Yearbook* 22 (1): 313–315.
- Weatherby, L. 2016. "The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804 by Dalia Nassar." *Eighteenth-Century Studies* 49 (2): 316–318.
- Winegar, R. 2018. "Dalia Nassar. The Romantic Absolute: Being and Knowing in Early German Romantic Philosophy, 1795–1804. Chicago: University of Chicago Press." *Hegel Bulletin* 39 (2): 382–386.